

Богдан Косановић

**РУСКО-СРПСКЕ
ТЕМЕ**

Славистичко друштво Србије
Београд • 2010

Богдан Косанович

**РУССКО-СЕРБСКИЕ
ТЕМЫ**

Славистическое общество Сербии
Белград • 2010

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В контексте истории русско-сербских и русско-черногорских взаимоотношений русская литература периода Первой мировой войны осталась практически вне сферы внимания исследователей и в связи с этим – недооценённой. Наш доклад посвящен одному из таких неисследованных аспектов – русской гражданской поэзии, ее темам, мотивам и проблемам изучения.

Прологом к созданию мифологем Сербии, как славянского Пиемонта и Черногории, как своеобразной славянской Спарты, послужили словесные видения раннего В. Хлебникова, его манифест *Воззвание учащихся славян* (1908), содержащий высказывание: „Война за единство славян, откуда бы она ни шла, из Познани, или из Боснии, приветствую тебя“.¹ Позже союз маленьких, но мужественных стран – Сербии и Черногории – будет для Хлебникова примером борьбы за освобождение и объединение всего славянства, на основании опыта его решающих исторических битв: Косовской, Куликовской и Грюнвальдской.² В Первой мировой войне Россия, как одна из центральных сил Антанты в борьбе против немецких и австрийских завоевателей, была защитницей сербов и черногорцев. Военные воззвания монархов всех этих трёх славянских государств основаны на началах необходимости славянской солидарности. Для всех государств великий мировой пожар являлся „священной войной“. Русский царь Николай II сразу (26 июля 1914 года) ответил на телеграмму сербского престолонаследника Александра I словами: „Россия ни в коем случае не

¹ Хлебников В.: *Ряв!* С. Петербург, 1913, с. 3.

² См. „От Косова я...“, „От Грюнвальда“ в: *Требник троих. Сборник стихов и рисунков*. Москва, 1913, с. 13.

останется равнодушной к судьбе Сербии“.³ Позже он прибавил: „Я не позволю, чтобы Сербия пропала“.

В самом начале войны появилась необходимость шире ознакомить русское общество с „маленькими королевствами“ Сербии и Черногории. С этой целью печатаются брошюры (*Сербия и Черногория*, Москва, 1914), литературнохудожественные альманахи (*Русские героям Сербии и Черногории*, Москва, 1915), официальные документы и ноты сербского правительства (*Сербия под врагом*, Одесса, 1917), многочисленные „статьи о сербском короле Петре и черногорском Николе“. В пользу „воинов Сербии и Черногории“ печатаются сборники даже на самых окраинах Российской империи на Дальнем Востоке (См. С. ЦыганокТемрюкский: *Звуки войны*, Владивосток, 1915).

Русская батальная публицистика всецело встала на сторону находящихся под угрозой славянских собратьев (Л. Андреев, Я. Лавров, Н. Езерский, А. Белич и др.). Разумеется, русская „батальная“ поэзия данной эпохи вписывается в богатую традицию мировой военной поэзии вообще, а в том числе и русской. (См. сборник *Война в изображении русских писателей*. Сост. М. Блох. Москва, 1914). Кроме того, она содержит и свои специфические генеологические черты, порожденные социальноисторической эпохой и русской литературной жизнью во втором десятилетии XX века. Итак, сербские и черногорские темы в русской поэзии того периода следует анализировать и в аспекте многочисленных военнополитических стихотворений о России, Германии, Бельгии, о Польше, Франции и Болгарии. Можно сказать, что политические стремления российского царского правительства были в основном неославянофильские: в этой войне Россия должна была, в первую очередь, сыграть роль оплота всего славянства. Правительство в этом нашло поддержку большей части русской интеллигенции, в том числе философов и писателей.

Наш обзор данной проблематики ярко свидетельствует о том, что за время войны литераторы обоих лагерей были „мобилизованы“ в поддержке военных целей своих государств. Отсюда

³ См. *Три документа из 1914 године*, в: *Рускојугословенски алманах*. Уредио др Владимир Мошин, Панчево, 1934, с. 79

литература, в том числе и поэзия, о которой идет речь, была преимущественно устремлена на сатанизацию врага как такового. Притом каждая страна, в свою очередь, подчеркивала свое вероисповедание и провозглашала спасение веры от чужого, якобы совсем ей противоположного „варварского“ порядка вещей. Иначе говоря, на первый план выдвигались, как правило, сильно идеологизированные шовинистские позиции, особенно в самом начале войны.

После этих предвостительных заметок переходим к беглому рассмотрению самых характерных сербских и черногорских тем и мотивов в русской поэзии периода Первой мировой войны. Распространенность этой лирики позволяет нам сделать вывод, что хотя во время войны пушки гремели, музы не молчали. Борьбу сербского и черногорского народов воспевали такие известные русские поэты различных направлений и мировоззрений, как: В. Хлебников, Ф. Сологуб, В. Брюсов, С. Городецкий, С. Есенин, Н. Клюев и др. В то же самое время оборонительная война сербов и черногорцев привлекала внимание целого ряда так называемых „второстепенных поэтов“ (С. Кречетов, Б. Хвостов, Д. Вергун, П. Колмыков, А. Невская, Е. Федотова, П. Юркин, С. Михайлов, А. Со-вич, С. Богомоллов, Л. Баткис, В. Гиляровский, С. Цыганок--Термюкский, А. Чижевский, Н. Агнивцев и т.д.).

В то время как Ф. Сологуб был занят объединением славянских племен (*Единение племен*, 1915), В. Брюсов публикует целый ряд стихотворений, посвященных „последней, победоносной войне“. В стихотворении *На Карпатах* он пишет:

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: Я вернусь!

Где – то под конец войны и в поэзию Брюсова проникли пессимистические ноты: „Весны и свободы не видит, не славит // поляк, армянин, бельгиец и серб“ (*Свобода и войны*, 1917).

Интересной является и тогдашняя военная поэзия русских „новокрестьянских поэтов“. Своей особой метафоричностью Н. Клюев засвидетельствовал о провиденциальном „всеславянском

брачном звоне“, который под предводительством „России Прекрасной Девы“ восславит победу братьев-богатырей: Белграда, Праги, Киева, Кракова и Новгорода (*Русь*, 1916). В своих „заказных“ патриотических стихотворениях поэтесса Анна Невская всецело на стороне сербского народа, славя его победы и считая, что они проторяют дорогу к объединению всех славян:

Объединенного славянства
Ты высоко идею чтишь,
Разбив немецкое коварство,
В венце побед своих стоишь!

(*К победам сербского народа*, 1915)

Подобные стереотипы присущи и *Бояновым песням славянам* (1916) А. Совича, в которых сербы являются носителями „славянского тернового венца“. Для Петра Юркина сербы являются „лучистым солнцем славянства“ (*Героям сербам*, 1914). Показательно, что в своих призывах все подряд русские поэты ссылаются на Божественную правду. В стихотворении *Привет Сербии* (1915) Александр Чижевский заявляет:

Поверьте сербы родные люди
Мы в Бога верим, мы вместе с вами
И враг убьется о наши груди!

В анализируемой нами поэзии мотив сербского и черногорского сопротивления функционирует как этический указатель, за которым надо следовать всем свободолюбивым народам. Вот почему по поводу манифестаций, организованных в Петербурге 24 января 1915 года под названием *Сербский день*, в газете „Биржевые ведомости“ было напечатано и следующее обращение к русской общественности: „**Помогите сербам, они геральдический знак герба, этот герб идея всеславянства**“.

Сосредотачиваясь на русскую поэзию *serbica* данной эпохи можно выделить условный цикл с мотивами Белграда символа сопротивляющейся столицы. Введением в эту тему и толчком для поэтов могли послужить два стихотворения, опубликованные в

противоположных краях России Леонидом Баткисом в Одессе (*Белград*) и Федором Сологубьем в Петрограде (*Петроград Белграду*). В праздничном номере „Одесского листка“ (25 декабря 1914 г.), посвященном Рождеству Христову, Баткис, между прочим, поместил следующие строки:

Мало нас в сторожевом пикете;
Мы не ждем ни ласки, ни наград,
Но дороже нам всего на свете
Мирный сон твой, дедушка Белград!

Сострадающие сербам военные музы откликнулись и на далеких восточных границах России, где Семен Цыганок-Темрюкский, секретарь Комитета Владивостокского Общества помощи воинам Сербии и Черногории, стараясь следовать эпическим традициям, пишет два стихотворения, посвященные *Страдальному Белграду*. В 1914-15 гг. Петр Юркин, также в двух стихотворениях, отзывается на страдания белградцев (*Братьям славянам и союзникам чести; Белграду*). Ему вторят Сергей Городецкий и Николай Клюев.

Но Белград мирный, Белград смелый,
Уж содрогался от гранат,
И русской правды Ангел белый
Негодованием был объят.
(Городецкий С.: *Явление народа*, 1914)

Гожель свадебную брагу
Не в Белградской грядне пить,
Да и как же ДружкуПрагу
Рушником не подарить!

(Клюев Н.: *Русь*, 1916)

Были и попытки двух поэтов писать стихи на интересующую нас тему. Первая из них Анна Невская, которая выразила солидарность с защищающими свои очаги сербами:

Гремит задорно канонада
На берегах дунайских волн.

Средь стен старинного Белграда,
Идет разгром смерть, ужас, стон.
(К началу мировой войны, 1914)

Ссылаясь на сербскую историческую традицию Елена Федотова свое стихотворение *Хмуры тучи над Белградом* (1914) насыщает богатырским пафосом, стараясь стилем приблизиться к эпической поэзии:

Помня дедов и отцов,
Бьется, кровью истекая,
Горсть славянских храбрецов.
Коль рука колоть предстанет,
Вражьем полчищам грозя,
Королевич Марко встанет,
Встанут сербские князья.

Похожими художественными приемами пользуется Владимир Гиляровский. В стихотворении *Сербия* (1915), он выражает веру в победу сербского оружия, ссылаясь на доблести сербского царя Душана Сильного и трагедию на Косовом поле. Прочитируем последнюю строфу:

И встанет из развалин твой Белград,
Заплещет флаг в горах Калимегдана,
И подвиги твоих героев воскресят
Белую Сербию Великого Душана.

Кстати, русские поэты считали мифологему и культ сербского Косово удобным знаком для осмысления своей солидарности с сербским народом, подвергнутым жестокому военному страданию. Преимущество борьбы против турокосманов и германцев становится стереотипом многих стихотворений русской поэзии периода Первой мировой войны. Так, например, уже упомянутая поэтесса из Нижнего Новгорода А. Невская бодрит сербов:

Вы свергли иго злых османов,
Сошлись для битв под стяг Мессии!

Спешите ж слить судьбу Балканов
С судьбой вам родственной России.
(К событиям на Балканах, 1915)

Мотивам, о которых идет речь, больше всего уделял внимания Владимир Гиляровский. В поэме *Сербия* (1916) он придерживается точки зрения, что суровая действительность Первой мировой войны способствовала воскресу „ковоской этики“. Данную этику считает Гиляровский надо направить против нового завоевателя. Сошлемся здесь на строфы, которые иллюстрируют мировоззрение поэта:

Вновь поле Косово воскресло перед тобой,
В развалинах дымящихся конаков,
Где твой народ ведет неравный бой,
Бьет легионы австрияков.
(...)
Турок, старый враг, на юге,
Новый враг бездушный шваб.
Ищем помощи мы в друге,
Но и тот германский раб.

С художественной точки зрения *Бояновы песни славянам* (1916) автора А. Совича подражают русской эпической традиции, призывая сербский колорит исторических героев и топонимы. Его стихи внушают нам в качестве основного тезиса мысль о том, что вначале было Косово...

На Коссовом поле когдато
Турецкий кривой ятаган
Посеял телами богато
И розы рассыпал из ран.

Соответствующим стихам С. Цыганка Термюкского (*Сербия*, 1915) и Аполлона Коринфского (*Кровавый сочельник*, 1917) нельзя не признать искренние побуждения и яркого эмоциональный тонус, несмотря на их художественную поверхностность.

Во время войны в Петрограде, Москве, Одессе и других городах России устраивались сербскочерногорские дни, торжественные молебствия и сборы в пользу сербских и черногорских воинов.⁴

В стихотворении Сергея Копыткина *Сербскому народу* (1915) можно прочесть:

Змею тевтонских оскорблений
Ты встретил первый у крыльца,
Мужайся! шваб согнет колени
К знаменам Сербского бойца.

Мы шлем молитвы и объятия
И умиленные хвалы
Вам, героические братья,
Вам, черногорские орлы!

Как можно было убедиться, в журнальных статьях и стихотворениях преобладают мотивы совместного героизма сербов и черногорцев. Лишь изредка черногорские мотивы моделированы отдельно. Они также находят себе опору в исторической памяти, равно как и в актуальной военной обстановке. Эти мотивы опять-таки, пророчествовал Велимир Хлебников, который, как известно, сильно интересовался этой маленькой славянской страной, ее историей, языком и фольклором. Он в одном своем раннем тексте записал: „Гряди дивный хоровод с девой Словией, как предводительницей горы!“⁵ Надо сказать, что в русском осмыслении пресловутой черногорской *человечности и героизма* (по-сербски „чојства и јунаштва“) преобладает стереотип *черногорца горного орла*. Игорь Северянин (которому позже пришлось и побывать в

⁴ В одном из памятных концертов, проходившем в 1915 г. в зале московской Консерватории, на котором гимназисты пели гимны Сербии и Черногории, принял участие и будущий знаменитый русский писатель Леонид Леонов. (См. Милосав Бабовић: *Два сусрета с Леоновом*. „Летопис Матице српске“, 2003, св. 6, с. 910).

⁵ См. А. Парнис: *Югославская тема Велимира Хлебникова*, в: *Зарубежные славяне и культура*. Ленинград, 1978; В. Хлебников: *Ряв!* С.Петербург, 1913, с. 3.

Черногории) свое стихотворение *Все вперед* (1914) заканчивает восклицанием: „Ура, Черногория, царица орлов!“. Ему как бы вторит Николай Агнивцев в варшавской газете „Западная заря“, называя черногорцев „сородычами горных орлов“ (стихотворение *Черногорская песня*). В обращении *Сербскому народу!* (1915) Сергей Копыткин не забывает черногорцев („Вам, героические братья, // Вам, Черногорские орлы!“). Петр Юркин прямо-таки озаглавил свое стихотворение *Орлам-черногорцам* (1915):

Храбрые воины Черной горы,
Горсточка огромной Европы,
Как мы, оставили семьи, дворы,
И бросились к врагу в окопы.

Во многом похожи и некоторые строфы стихотворений А. Невской, А. Совича, С. Богомолова, хвалящие доблесть черногорцев. Конечно, здесь особо следует иметь в виду и большой интерес русской общественности к черногорскому королю Николу Петровичу Негошу, у которого были крепкие связи с царской семьей Романовых: царь Николай I крестил одного из его сыновей, две дочери Николы I были замужем за великими русскими князьями, а он сам был зачислен почетным командиром 15-ого стрелкового полка русской армии. Отсюда не случайно, что ему посвящают свои стихотворения С. Бобров (*Война*, 1913 (?)) по поводу Балканских войн) и С. Богомолов (*Послание*, 1915). В среде русской интеллигенции особый отклик получили события, связанные с „падением“ города Скадар, также как и с капитуляцией Черногории. Следует отметить, что с поэтическим творчеством Николы I русские читатели могли ознакомиться с 80-ых гг. XIX века. В одной из столичных газет („Биржевые ведомости“, 24-ого января 1915 г.) мы отыскивали его стихотворение *Герои сербы*, сербский подлинник которого пока неизвестен. Это стихотворение до сих пор осталось незамеченным литературной критикой, следственно не вошло в *Собрание сочинений* Николы Петровича Негоша.

Поэзия, которая является предметом нашего внимания, на первый план выдвигает идею, в ущерб формальной структуре произведения. В ней нет никакого следа формального экспери-

ментаторства, так характерного для стилистических формаций модернизма и авангарда, отметивших всю данную художественную эпоху. Бросается в глаза, что в стихотворениях по преимуществу прослеживаются реалистические нормы. Преобладает гражданская лирическая медитативность и субъективно-эмоциональный, даже патетический пафос. Учитывая тот факт, что изложение рассчитано на широкую аудиторию, оно несложно и доступно, как правило, в нем совсем не используется эзопов язык, отсутствуют более богатая образность, параболы и аллегии.

М. Блох, составитель одного из сборников русской военной поэзии, несомненно, был прав, заметив, что „война слишком многогранное явление, и мы видим, что никому не удалось всецело охватить все грани ее, и ее могучий подъем и гребень волны, ее муку, ее ужас“.⁶

(2004)

⁶ М. Блох: *Итоги, в: Война в образении русских писателей*. Москва, 1914, с. 99.